

Теодор Моммзен

Римская история

Том 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Т33

Т33 **Теодор Моммзен**
Римская история: Том 3 / Теодор Моммзен – М.: Книга по Требованию, 2019. – 592 с.

ISBN 978-5-4241-9514-3

«Римская история» – один из фундаментальных трудов мировой научной литературы, автором которого является немецкий историк Теодор Моммзен.

ISBN 978-5-4241-9514-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

дившихся въ изгнаніи близкихъ людей возвращеніе на родину, снять съ памяти умершихъ пятно, лежавшее на нихъ и на ихъ дѣтахъ, и выхлопотать имъ возвращеніе родительскаго достоинства. Прежде всего сами дѣти изгнанниковъ, низведенныя регентомъ въ силу закона на роль политическихъ паріевъ, какъ-бы получали вслѣдствіе этого отъ самаго закона приглашеніе возстать противъ существующаго порядка. — Ко всѣмъ этимъ различнымъ фракціямъ оппозиціи присоединялась далѣе вся масса разорившихся людей. Вся знатная и незнатная толпа голяковъ, утратившая состояніе и значеніе въ вихрѣ нязнчнаго или низкаго разврата; аристократы, у которыхъ не осталось уже ничего знатнаго, кромѣ ихъ долговъ; копъеносцы Суллы, которыхъ могущественное слово правителя могло, правда, превратить въ землевладѣльцевъ, но не въ хлѣбопашцевъ, и которые, прокутивъ первое наслѣдіе, доставшееся имъ послѣ изгнанниковъ, стремились сдѣлать тоже самое и съ вторымъ, — всѣ они только выжидали поднятія знамени, призывающаго къ борьбѣ съ существующимъ порядкомъ, не заботясь о томъ, что будетъ начертано на этомъ знамени. Въ силу такой же необходимости примыкали къ оппозиціи всѣ выдвигавшіяся изъ рядовъ оппозиціи дарованія, нуждавшіяся въ популярности, видѣвшія, что переходу ихъ въ избранныя сферы, или, по крайней мѣрѣ, быстрой карьерѣ мѣшала строгая замкнутость кружка оптиматовъ, и которыя пытались поэтому насильственно вторгнуться въ эту фалангу и сломить, опираясь на народное расположеніе, законы олигархической исключительности и старшинства. Точно также присоединялись къ оппозиціи и тѣ наиболѣе опасные люди, чье честолюбіе стремилось къ цѣли еще болѣе высокой, чѣмъ участіе въ рѣшеніи мировыхъ судебъ среди коллегіальныхъ просковъ. Въ особенности на адвокатской трибунѣ, единственной аренѣ законной оппозиціи, которую Сулла оставилъ нетронутою, подобные претенденты, еще при жизни правителя, яростно боролись противъ реставраціи, опираясь на формальную юриспруденцію и ловкую діалектику. Такъ, на примѣръ, искусный ораторъ, Маркъ Туллій Цицеронъ (род. 3 января 648 г.), сынъ арпинскаго землевладѣльца, скоро прославилъ свое имя на половину осторожной, на половину-смѣлой оппозиціей противъ властелина. Подобныя стремленія имѣли мало значенія, если оппонентъ не желалъ ничего другого, какъ только пріобрѣсти себѣ этимъ кресло въ курии, съ тѣмъ чтобы потомъ возсѣдать на немъ съ полнымъ удовольствіемъ до конца дней своихъ. Если-же популярный человекъ не удовлетворялся этимъ стуломъ, и еслибъ Гай Гракхъ нашелъ себѣ преемника, тогда борьба на жизнь и на смерть была неизбежна; но пока еще нельзя было назвать ни одного имени, носитель котораго стре-

---

вольнотпущенникъ Стаберій Эротъ, допускалъ дѣтей изгнанниковъ бесплатно слушать свой курсъ.

Могущество мился-бы къ столь высокой цѣли. — Такова была оппозиція, съ кото-
оппозиціи. рою приходилось бороться установленному Суллою олигархическому
правительству, когда оно раньше, чѣмъ ожидалъ, вѣроятно, самъ
Сулла, вслѣдствіе его смерти предоставлено было само себѣ. Задача
была нелегка и еще усложнялась разными социальными и полити-
ческими затрудненіями того времени, прежде всего необычайною труд-
ностью держать военачальниковъ, разсыянныхъ по провинціямъ, въ
подчиненіи у высшей гражданской власти, — или, не имѣя въ своемъ
распоряженіи войска, справляться въ самой столицѣ съ массою на-
копившейся тамъ италійской и пришлой черни и рабовъ, жившихъ
въ Римѣ большею частью совершенно свободно. Сенатъ чувствовалъ
себя какъ-бы въ открытой и угрожаемой со всѣхъ сторонъ крѣпости,
и серьезная борьба была неминуема. Но вмѣстѣ съ тѣмъ были зна-
чительны и прочны подготовленные Суллою оборонительныя средства;
и, хотя большинство націи очевидно не симпатизировало, даже отно-
силось враждебно къ правительству, установленному Суллою, тѣмъ
не менѣе это правительство еще долго могло бороться въ своей не-
приступной твердынѣ противъ сбившейся съ толку и несвязной массы
оппозиціи, не имѣвшей ни общей цѣли, ни общаго пути, распадав-
шейся на сотни фракцій, и лишенной вождя. Но, конечно, прави-
тельство должно было желать постоять за себя и внести въ оборону
своей крѣпости хоть одну искру той энергіи, которая была потра-
чена на ея сооруженіе; для гарнизона, не желающаго сопротив-
ляться, лучшей фортификаторъ тщетно сталъ - бы соорудать свои
стѣны и рвы.

Отсутствіе И такъ, чѣмъ болѣе для обѣихъ сторонъ все зависѣло отъ личнаго
руководя- характера руководящихъ людей, тѣмъ пагубнѣе было то обстоятель-
щаго лица ства, что, если пристальнѣе взглядѣться, у обѣихъ сторонъ не было
и духъ но- собственно и вождей. Политика въ эту пору всецѣло руководилась
терин. кружковымъ духомъ въ его худшей формѣ. Въ этомъ, правда, не
было ничего новаго; семейная и клубная замкнутость нераздѣльна съ
аристократическимъ строемъ государства и она первенствовала въ
Римѣ въ теченіе многихъ столѣтій. Но всеильною она сдѣлалась
лишь въ описываемую эпоху, какъ въ ту же эпоху (въ 690 г.) вліяніе
ея скорѣе признано было, чѣмъ стѣснено законодательными репрес-
сивными мѣрами. Всѣ люди знатные, какъ народники, такъ и на-
стоящіе олигархи, сплачивались въ гетерин; масса гражданъ, поскольку
она принимала вообще правильное участіе въ политическихъ событі-
яхъ, также, составляла, смотря по избирательнымъ округамъ, замкну-
тыя общества съ почти военною организаціею, находившія въ раз-
давателяхъ земель (*divisores tribuum*) своихъ естественныхъ
вождей и посредниковъ. Въ этихъ политическихъ клубахъ все было
продажно: прежде всего голоса избирателей, но вмѣстѣ съ тѣмъ и
голоса членовъ совѣта и суда, точно также и кулаки, дѣйствовав-

шіе въ уличныхъ свалкахъ, и вожди шаекъ, руководившіе ими — только по тарифу отличались другъ отъ друга ассоціаціи людей знатныхъ и мелкихъ. Гетерія рѣшалъ а неходъ выборовъ, возбуждала обвиненія, гетерія же руководила защитою; она подкупала вліятельнаго адвоката, въ случаѣ нужды торговалась насчетъ оправдательнаго приговора съ какимъ нибудь изъ спекуляторовъ, въ большихъ размѣрахъ занимавшихся выгоднымъ промысломъ продажи судейскихъ голосовъ. Гетерія господствовала своими тѣсно-сплоченными шайками надъ улицами города, а вмѣстѣ съ тѣмъ — слишкомъ часто — и надъ государствомъ. Все это дѣлалось на основаніи извѣстныхъ общихъ правилъ и, такъ сказать, публично; гетеріи были лучше организованы и управляемы, чѣмъ какая-либо отрасль государственной администраціи; если здѣсь, какъ вообще водится среди цивилизованныхъ мошенниковъ, по какому-то тайному соглашенію и не говорили открыто о совершаемыхъ беззаконіяхъ, то никто и не скрывалъ ихъ, и извѣстные адвокаты не стыдились публично и понятно намекать на свои отношенія къ гетеріямъ ихъ кліентовъ. Если по временамъ и находился отдѣльный человѣкъ, который держался въ сторонѣ отъ этого образа дѣйствій, но не чуждался въ то же время общественной жизни, то, навѣрное, это былъ, какъ наприм. Маркъ Катонъ, настоящій Донъ Кихотъ въ политикѣ. Мѣсто партій и ихъ борьбы заступали клубы съ своей конкуренціею, мѣсто администраціи — интриги. Человѣкъ болѣе чѣмъ двусмысленный, Публій Цетегъ, въ былые дни одинъ изъ ревностнѣйшихъ приверженцевъ Маріа, пользовавшійся впоследствии милостями Суллы, какъ перебѣжчикъ, игралъ въ политическихъ проискахъ этого времени наиболѣе вліятельную роль, единственно въ качествѣ хитраго донощика и посредника между сенаторскими фракціями и знатока тайныхъ административныхъ интригъ; слово его любовницы, Преціи, зачастую рѣшало назначеніе на самыя важныя начальническія должности. Подобное жалкое положеніе вещей было возможно лишь тайъ, гдѣ ни одинъ изъ политическихъ дѣятелей не возвышался надъ общимъ уровнемъ; всякое выдающееся дарованіе уничтожило бы это господство партій, какъ паутину, но, именно, въ политическихъ и военныхъ дарованіяхъ чувствовался величайшій недостатокъ.

Послѣ междоусобныхъ войнъ не осталось въ живыхъ ни одного сколько нибудь значительнаго человѣка, кромѣ престарѣлаго, мудраго и краснорѣчиваго Люція Филиппа (консулъ 663 года), который былъ сперва демократомъ, затѣмъ вождемъ партіи капиталистовъ, дѣйствовавшей противъ сената, вслѣдъ затѣмъ приверженцемъ Маріа, наконецъ перешелъ на сторону торжествующей олигархіи настолько своевременно, чтобы стяжать благодарность и награду; этотъ человѣкъ какъ-то проскользнулъ между партіями. Между людьми послѣдующаго поколѣнія наиболѣе выдающимися вождями чистокровной

Филиппъ,
Метель,
Катуль и
Лукуллы.

аристократіи были: Квинтъ Метеллъ Пій (консулъ 674 года), товарищъ Суллы по опасностямъ и побѣдамъ; Квинтъ Лутаций Катулъ, бывший консуломъ въ годъ смерти Суллы (въ 676 г.), сынъ побѣдителя при Верцеллахъ, и два молодыхъ воина, братья Люцій и Маркъ Лукуллы, изъ которыхъ первый съ отличіемъ сражался при Суллѣ въ Азіи, второй въ Италіи; не говоримъ уже о такихъ оптиматахъ, какъ Квинтъ Гортезіій (640—704), имѣвшій значеніе только какъ адвокатъ, или же, наконецъ, о Децимѣ Юніи Брутѣ (консулъ 677 года), Мамеркѣ Эмилиѣ Лепидѣ Ливіанѣ (консулъ 677 года), и другихъ подобныхъ же ничтожествахъ, лучшею стороною которыхъ являлось ихъ благозвучное аристократическое имя. Но и первые четыре человѣка мало чѣмъ возвышались надъ среднимъ уровнемъ знатныхъ баръ того времени. Катулъ былъ, подобно отцу своему, тонко образованный человѣкъ и честный аристократъ, но съ умѣренными дарованіями и отнюдь не воинъ. Метеллъ не только былъ личностью, достойною уваженія, но и способнымъ и опытнымъ военачальникомъ; не столько вслѣдствіе его тѣсныхъ родственныхъ и товарищескихъ отношеній къ правителю, сколько въ особенности вслѣдствіе всѣми признанныхъ достоинствъ, онъ былъ отправленъ въ 675 году, послѣ того какъ онъ сложилъ съ себя званіе консула въ Испаніи, когда тамъ снова возстали Лузитанцы и римскіе эмигранты, предводительствуемые Квинтомъ Серторіемъ. Хорошими военачальниками были также и оба Лукуллы, въ особенности старшій, соединявшій весьма солидныя военныя дарованія съ основательнымъ литературнымъ образованіемъ и писательскими наклонностями, и заслуживавшій уваженіе и какъ человѣкъ. Но, какъ государственные люди, и эти лучшіе изъ аристократовъ немногимъ превышали рѣшительностью и дальновидностью дюжинныхъ сенаторовъ того времени. Самые выдающіеся изъ нихъ оказывались, правда, годными и храбрыми при встрѣчѣ съ иноземнымъ врагомъ, но ни одинъ изъ нихъ не выказывалъ охоты или умѣнья разрѣшить настоящія политическія задачи или управлять государственнымъ кораблемъ, какъ опытный рулевой, среди бурнаго моря интригъ и дробленія на партіи. Политическая мудрость ихъ ограничивалась тѣмъ, что они искренно вѣрили въ единоспасающую олигархію и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко ненавидѣли и мужественно порицали демагогію и всякую другую эманципирующуюся единичную силу. Мелкое честолюбіе ихъ удовлетворялось немногимъ. Все, что рассказываютъ о пребываніи Метелла въ Испаніи, гдѣ онъ не только мирился съ весьма мало гармоническою лирою испанскихъ льстивыхъ поэтовъ, но даже позволялъ встрѣчать себя, точно божество, всюду, гдѣ онъ появлялся, торжественной раздачей вина народу и воскуреніемъ олимпіама, а за столомъ давалъ парящимъ на воздухѣ богинямъ побѣды вѣнчать свою голову

лаврами при звукѣ театральнаго грома, — все это ничѣмъ не достоинствѣ большинства историческихъ анекдотовъ; но и въ этихъ сплетняхъ отражается измелъчавшее честолюбіе эпигоновъ. Даже лучшіе изъ нихъ чувствовали себя удовлетворенными, когда достигали не могущества или вліянія, а хотъ консулата и триумфа, или почетнаго мѣста въ совѣтѣ, и удалялись съ политической арены для того чтобъ заглухнуть среди царственной роскоши, какъ разъ въ ту минуту, когда при настоящемъ честолюбіи они только начали бы приносить истинную пользу родинѣ и своей партіи. Люди, въ родѣ Метелла и Люція Лукулла, еще будучи полководцами, столько же думали о расширеніи римскихъ владѣній покореніемъ новыхъ царей и народностей, какъ и объ обогащеніи безконечныхъ списковъ лакомой дичи, живности и десертовъ, выработанныхъ римскою гастрономіей, новыми африканскими и мало-азіатскими рѣдкостями, и загубили лучшую часть своей жизни среди болѣе или менѣе интеллигентной праздности. Традиціонная удача и индивидуальная покорность, на которыхъ зиждется всякое олигархическое правленіе, были совершенно утрачены павшею и искусственно возрожденною римскою аристократіею этой эпохи; она считала духъ партіи патриотизмомъ, тщеславіе — честолюбіемъ, ограниченность — послѣдовательностью. Еслибъ конституція Суллы попала подъ охрану людей, подобныхъ тѣмъ, которые возсѣдали въ коллегіи кардиналовъ и въ венеціанскомъ совѣтѣ десяти, то неизвѣстно, смогла-ли бы оппозиція такъ скоро покоробить ее: съ такими защитниками всякое нападеніе представляло бы дѣйствительно серьезную опасность.

Среди людей, не выставлявшихъ себя безусловными приверженцами, ни открытыми противниками конституціи Суллы, ни одинъ не привлекалъ въ такой степени на себя взоры толпы, какъ молодой Гней Помпей, которому въ эпоху смерти Суллы было всего только двадцать восемь лѣтъ (онъ родился 29 сентября 648 года). Это было истинное несчастіе какъ для самого виновника общаго поклоненія, такъ и для поклонниковъ его, но вмѣстѣ съ тѣмъ это было естественно. Здоровый тѣломъ и духомъ, ловкій гимнастъ, который, еще служа въ рядахъ войска старшимъ офицеромъ, прыгалъ, бѣгалъ и поднималъ тяжести, объ закладъ съ солдатами, сильный и искусный предводитель летучаго отряда, юноша этотъ, въ такомъ возрастѣ, который устранилъ его отъ всякой должности и отъ мѣста въ сенатѣ, былъ уже императоромъ и триумфаторомъ, занималъ въ общественомъ мнѣніи первое мѣсто послѣ Суллы и даже получилъ отъ безпечнаго, отчасти признательнаго ему, отчасти иронизировавшаго надъ нимъ регента прозваніе *великаго*. Къ сожалѣнію, его умственные дарованія далеко не соответствовали этимъ неслыханнымъ успѣхамъ. Онъ не былъ ни злымъ, ни неспособнымъ, а просто совершенно обыкновеннымъ человекомъ, котораго природа назначила быть

Помпей.

хорошимъ вахмистромъ, а обстоятельства сдѣлали полководцемъ и государственнымъ человѣкомъ. Это былъ умный, храбрый, опытный. во всѣхъ отношеніяхъ хорошій солдатъ, но даже и тутъ въ немъ не было и слѣда высшихъ дарованій; въ качествѣ полководца, какъ и во всей остальной, ему была свойственна привычка дѣйствовать съ осторожностью, граничившею съ боязливостью, и наносить, по возможности, рѣшительный ударъ лишь тогда, когда онъ несомнѣнно убѣждался въ громадномъ превосходствѣ своемъ надъ противникомъ. Образование его было самымъ дюжиннымъ по тому времени; настоящій солдатъ, онъ, тѣмъ не менѣе, не преминулъ, прибывъ въ Родосъ, точно по обязанности службы восхищаться тамошними ораторами-говорунами и задаривать ихъ. Честность его была честностью богатаго человѣка, разумно хозяйничающаго своимъ значительнымъ наследственнымъ и нажитымъ состояніемъ; онъ не пренебрегалъ случаевъ наживаться тѣми обыкновенными путями, которые были въ ходу у сенаторовъ, но былъ слишкомъ холоденъ и богатъ для того, чтобы подвергать себя ради этого особымъ опасностямъ или покрывать себя слишкомъ бросающимся въ глаза позоромъ. Порочность, господствовавшая среди его современниковъ, доставила ему болѣе, чѣмъ его собственная добродѣтель, репутацію честности и безкорыстія, относительно, правда, заслуженную имъ. Его «честное лицо» сдѣлалось почти поговоркою, и даже послѣ своей смерти онъ все еще считался достойнымъ и нравственнымъ человѣкомъ; и дѣйствительно, это былъ хорошій сосѣдъ, не причастный возмутительному обычаю сильныхъ людей того времени расширять границы своихъ владѣній насчетъ мелкихъ сосѣдей посредствомъ принудительной купли или чего нибудь еще худшаго; въ семейной жизни онъ выказывалъ привязанность къ женѣ и дѣтямъ; къ его чести служить и то обстоятельство, что онъ впервые отступилъ отъ варварскаго обычая казнить плѣнныхъ непріятельскихъ царей и полководцевъ послѣ появленія ихъ во время триумфа. Но это не мѣшало ему разлучиться съ любимой женою по приказанію его повелителя Суллы на томъ только основаніи, что она принадлежала къ опозоренному роду, и, по мановенію того же властолина, казнить на своихъ собственныхъ глазахъ съ величайшимъ душевнымъ покоемъ людей, поддерживавшихъ его въ тяжелую минуту. Онъ не былъ жестокъ, какъ это ставили ему въ упрекъ, но—что еще, быть можетъ, хуже—онъ былъ холоденъ и безстрастенъ въ добрѣ, какъ и во злѣ. Въ разгарѣ битвы онъ смѣло глядѣлъ врагу въ глаза; въ частной жизни это былъ человѣкъ робкій, который при всякомъ ничтожномъ поводѣ краснѣлъ, говорилъ публично не безъ застѣнчивости и вообще былъ угловатъ, неповоротливъ и неловокъ въ обращеніи. При всемъ своемъ заносчивомъ упрямствѣ, какъ это по большей части бываетъ съ тѣми, кто выставяетъ напоказъ свою самостоятельность, онъ былъ послушнымъ орудіемъ

въ рукѣ тѣхъ, которые умѣли приняться за него, въ особенности же его кліентовъ и вольноотпущенниковъ, такъ какъ онъ не опасался, чтобы они взяли надъ нимъ верхъ. Онъ всего менѣе былъ созданъ играть роль государственнаго человѣка. Не имѣя ясныхъ цѣлей, неловкій въ выборѣ средствъ, недальновидный и нерѣшительный въ маломъ и великомъ, онъ имѣлъ обыкновеніе прикрывать свою нерѣшительность и шаткость торжественнымъ молчаніемъ, и, желая вести тонкую игру, обманывалъ себя, думая, что проводитъ другихъ. Благодаря его положенію въ военномъ мѣрѣ и его сношеніямъ съ населеніемъ его родины, ему, почти безъ всякаго содѣйствія съ его стороны, досталась значительная, лично преданная ему партія, съ которою можно было совершить величайшіе подвиги; но Помпей былъ во всѣхъ отношеніяхъ неспособенъ руководить партією и спланировать ее, и если она все-таки не распадалась, то и это дѣлалось помимо его, въ силу простого тяготѣнія обстоятельствъ. Въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, онъ напоминаетъ Марію; но Марій, съ своей мужиковато-грубой, чувственно-страстной личностью, былъ все-таки еще менѣе невыносимъ, чѣмъ этотъ скучнѣйшій и неповоротливѣйшій изъ всѣхъ мнимо-великихъ людей. Политическое положеніе его было ложное. Онъ былъ офицеромъ при Суллѣ и обязанъ былъ стоять за реставрированную конституцію, а между тѣмъ онъ былъ въ оппозиціи, какъ противъ Суллы лично, такъ и противъ всего сенаторскаго правленія. Родъ Помпеевъ, занесенный въ консульскіе списки всего только за шестьдесятъ лѣтъ передъ тѣмъ, отнюдь не считался значительнымъ въ глазахъ аристократіи; къ тому же отецъ Помпея находился въ весьма враждебномъ отношеніи къ сенату, самъ же онъ стоялъ нѣкогда въ рядахъ приверженцевъ Цинны. — Это были воспоминанія, о которыхъ общественное мнѣніе умалчивало, но которыхъ не забывало. Выдающееся положеніе, пріобрѣтенное Помпеемъ при Суллѣ, настолько же разрознило его внутренно съ аристократією. насколько оно внѣшнимъ образомъ соединило его съ нею. Слабый духомъ, Помпей вскорѣ почувствовалъ, какъ у него закружилась голова на той высотѣ славы, которой онъ достигъ съ такой страшной быстротой и легкостью. Какъ будто желая примирить свою черствую, прованческую натуру, проведя параллель между собою и наиболѣе поэтическимъ изъ всѣхъ греческихъ характеровъ, онъ началъ сравнивать себя съ Александромъ Великимъ и смотрѣть на себя, какъ на исключительнаго человѣка, которому не подобаетъ оставаться только однимъ изъ пятисотъ членовъ римскаго совѣта. На дѣлѣ же никто не былъ въ такой степени созданъ для роли члена аристократическаго правленія. Полная достоинства внѣшность Помпея, его торжественный формализмъ, личная храбрость, его скромная честная жизнь, полное отсутствіе инициативы, — все это, еслибъ онъ родился двѣсти лѣтъ ранѣе, могло-бы доставить ему почетное мѣсто наряду

съ Публиемъ Дециемъ и Квинтомъ Максимомъ. Эта чисто-оптиматическая и чисто-римская посредственность не мало содѣйствовала упроченію внутренняго влеченія, во всё время существовавшего между Помпеемъ и массою гражданъ и сената. Въ то время для него, несомнѣнно, возможно было вполне опредѣленное выдающееся положеніе, — еслибъ онъ захотѣлъ удовлетвориться ролью полководца, подвластнаго совѣту, ролью, для которой онъ былъ какъ бы созданъ. Но это его не удовлетворяло, и такимъ образомъ онъ попалъ въ роковое положеніе чловѣка, желающаго быть не тѣмъ, чѣмъ онъ можетъ сдѣлаться. Постоянно стремился онъ къ обособленному положенію въ государствѣ, а когда оно открывалось передъ нимъ, онъ не могъ рѣшиться занять его; съ глубокимъ овлеченіемъ смотрѣлъ онъ, когда люди и законы не преклонялись безусловно передъ нимъ, а между тѣмъ онъ, съ скромностью, не всегда даже притворною, всюду заявлялъ свою равноправность съ остальными гражданами и дрожалъ при одной мысли совершить что либо анти-конституціонное. Такимъ образомъ, находясь въ постоянно натянутыхъ отношеніяхъ къ олигархіи и будучи вмѣстѣ ея покорнѣйшимъ слугою, постоянно терзаемый честолюбіемъ, страшившимся въ тоже время собственной цѣли, — онъ проводилъ свою взволнованную жизнь безрадостно, среди вѣчнаго внутренняго противорѣчія.

**Маркъ
Крассъ.**

Такъ же мало, какъ и Помпей, можетъ считаться безусловнымъ приверженцемъ олигархіи Маркъ Крассъ. Это была весьма характерная личность для того времени. Подобно Помпею, старше котораго онъ былъ только на нѣсколько лѣтъ, и онъ принадлежалъ къ кружку высшей римской аристократіи, получилъ обыкновенное въ его сословіи образованіе и, какъ Помпей, съ отличіемъ сражался при Суллѣ въ италійской войнѣ. Оставаясь по умственнымъ способностямъ, литературному образованію и военнымъ дарованіямъ далеко позади многихъ людей одного съ нимъ общественнаго положенія, онъ превосходилъ ихъ своей безпредѣльной подвижностью и тѣмъ упорствомъ, съ которымъ стремился всѣмъ обладать и все значить. Прежде всего онъ устремился въ спекуляцію. Приобрѣтеніе псмѣстій во время революціи положило основаніе его состоянію; но онъ тѣмъ не менѣе не пренебрегалъ никакой отраслью наживы, занимался съ большою осторожностью и въ тоже время въ грандіозныхъ размѣрахъ строительнымъ дѣломъ въ столицѣ; вступалъ въ компанію съ своими вольноотпущенными для самыхъ разнообразныхъ предпріятій, игралъ роль банкира въ самомъ Римѣ и внѣ его; какъ лично, такъ и при посредствѣ своихъ приближенныхъ, ссужалъ своихъ товарищей по сенату деньгами и принималъ на себя, смотря по обстоятельствамъ, какъ выполненіе работъ на ихъ счетъ, такъ и подкупъ судейскихъ коллегій. Онъ далеко не былъ разборчивъ въ выборѣ средствъ, когда дѣло касалось наживы. Еще въ эпоху гоненій на разныхъ лицъ при

Сулла онъ былъ уличенъ въ подложномъ составленіи списковъ, вслѣдствіе чего Сулла съ той поры не сталъ больше пользоваться его содѣйствіемъ для государственныхъ дѣлъ. Онъ никогда не подумалъ бы отказаться отъ наслѣдства оттого только, что документъ, гдѣ стояло его имя, былъ завѣдомо поддѣланъ; онъ ничего не имѣлъ противъ того, чтобы его фермеры насильственно или тайно вытѣсняли изъ ихъ земель мелкихъ сосѣдей своего господина. Онъ, однако, избѣгалъ открытыхъ столкновеній съ уголовнымъ судомъ, и, какъ истый капиталистъ, жилъ самъ съ буржуазной простотою. Такимъ путемъ, въ теченіе немногихъ лѣтъ Крассъ изъ человѣка съ обыкновеннымъ сенаторскимъ доходомъ сдѣлался обладателемъ состоянія, простиравшагося невадолго до его смерти, послѣ покрытія громаднхъ чрезвычайныхъ расходовъ, еще до 170 милліоновъ сестерцій (13 милліоновъ талеровъ); онъ сдѣлался богатѣйшимъ изъ Римлянъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и крупною политическою личностью. Если, по его же собственному выраженію, никто не имѣлъ права назвать себя богатымъ, если не могъ содержать на свои доходы цѣлое войско, то лицо, которое могло это сдѣлать, едва ли было простымъ гражданиномъ. И дѣйствительно, взоры Красса были устремлены къ болѣе высокой цѣли, чѣмъ къ обладанію всѣхъ ту же набитымъ кошелемъ въ государствѣ. Онъ не останавливался ни передъ какимъ трудомъ для расширенія своихъ сношеній. Онъ привѣтствовалъ по имени каждого изъ столичныхъ гражданъ. Ни одному просителю не отказывалъ онъ въ своемъ содѣйствіи передъ судомъ. Природа, правда, немного сдѣлала для него, какъ для оратора; рѣчь его была суха, дикція монотонна; онъ былъ тугъ на ухо, но его упорный умъ, не страшившійся никакой скуки и не увлекавшійся никакимъ наслажденіемъ, преодолевалъ всѣ трудности. Никогда не казался онъ неприготовленнымъ, никогда не импровизировалъ, и такимъ образомъ онъ сдѣлался моднымъ адвокатомъ, который былъ всегда наготовѣ и для котораго не безъ пользы была привычка не очень брезгать предлагаемыми ему сомнительными дѣлами и умѣнье не только словомъ, но и связями, а въ случаѣ нужды и золотомъ своимъ вліять на судей. Половина совѣта была у него въ долгу; привычка его ссужать друзей деньгами безъ процентовъ, но до востребованія, ставила отъ него въ зависимость массу вліятельныхъ лицъ, тѣмъ болѣе что онъ, какъ истый дѣловой человѣкъ, не дѣлалъ разницы между партіями, всюду поддерживалъ связи и охотно давалъ займы всякому, способному уплатить или годному для него въ другомъ отношеніи. Самые отважные вожди партій, безцеремонно наносившіе удары во всѣ стороны, боялись связаться съ Крассомъ; его сравнивали съ быкомъ, стоящимъ среди стада, и дразнить котораго было бы опасно для всякаго. Что человѣкъ, занимавшій такое положеніе, не могъ стремиться къ неизменнымъ цѣлямъ, было ясно для каждого, и въ

противоположность Помпею, Крассъ зналъ, съ точностью банкира, на что и какими средствами онъ спекулируетъ въ политикѣ. Съ самаго основанія Рима политической силою въ немъ былъ капиталъ; время было таково, что все считалось доступнымъ, какъ оружію, такъ и золоту. Если въ эпоху революціи аристократія капитала могла помышлять о низверженіи родовой олигархіи, то такой чело-вѣкъ, какъ Крассъ, также могъ вознестись взоры нѣсколько выше, чѣмъ къ обычнымъ атрибутамъ и шитому плащу триумфаторовъ. Въ данную минуту онъ былъ приверженцемъ Суллы и сената; но онъ былъ въ слишкомъ сильной степени коммерческимъ чело-вѣкомъ, для того чтобы отдаться въ руки какой либо опредѣленной политической партіи и преслѣдовать что либо иное, кромѣ своей личной выгоды. Почему бы Крассу, богатѣйшему чело-вѣку и величайшему интригану Рима, который къ тому же не былъ жаднымъ скупцомъ, не спеку-лировать и на корону? Быть можетъ, ему одному и не удастся до-стигнуть цѣли; но уже не одно грандіозное дѣло сдѣлалъ онъ въ сообществѣ съ другими; ничего не было невозможнаго, чтобы для этого предпріятія нашелся подходящій участникъ. Характеристическимъ при-знакомъ того времени служить вообще тотъ фактъ, что посредствен-ный ораторъ и воинъ, политикъ, считавшій свою подвижность за энергію, свою алчность за честолюбіе; въ сущности не имѣвшій ни-чего, кромѣ громаднаго состоянія и чисто-купческаго дарованія за-вязывать сношенія, — что такой чело-вѣкъ, опираясь на всемірные кружки и интриги, могъ считать себя равнымъ первымъ полковод-цамъ и государственнымъ людямъ эпохи и соперничать съ ними изъ-за высшей награды, манящей политическое честолюбіе.

Всѣмъ де-мократіи.

Бури революціи произвели ужасающія опустошенія въ рядахъ на-стоящей оппозиціи, какъ въ средѣ консерваторовъ, такъ и между де-мократами. Изъ числа первыхъ единственнымъ уцѣлѣвшимъ и не-битымъ чело-вѣкомъ былъ Гай Котта (630—681), другъ и союз-никъ Друза, изгнанный вслѣдствіе этого въ 663 году и возвра-щенный вслѣдъ за тѣмъ на родину, благодаря побѣдамъ Суллы. Это былъ умный чело-вѣкъ и дѣльный адвокатъ, но ни роль его партіи, ни его личное значеніе не предназначали его къ чему ни-будь иному, кромѣ почетной второстепенной роли. Среди демокра-тической партіи, между молодымъ поколѣніемъ, привлекалъ къ се-бѣ взоры какъ друзей, такъ и недруговъ своихъ, двадцатичеты-рехлѣтній Гай Юлій Цезарь (род. 12 іюля 652 ?) *). Его род-

Юлій Це-зарь.

*) Годомъ рожденія Цезаря обыкновенно считаютъ 654 годъ, такъ какъ на основаніи показаній Светонія (Саев., 88), Плутарха (Цез. 69) и Аппіана (b. c. 2, 149) ему было 56 лѣтъ въ годъ его смерти (15 марта 710 г.), съ чѣмъ приблизительно согласуется и то показаніе, что ему было 18 лѣтъ (въ 672) во время проскрипціи при Суллѣ (Веллей, 2, 41). Но этому вполне противорѣ-чить то обстоятельство, что въ 689 г. Цезарь исполнялъ обязанность эдила,